

Екатерина Мурашова
Наталья Майорова

ПОНАЕХАЛИ ТУТ

иллюстрации
Виталий Дударенко
Полина Плавинская

Москва Самокат

ПРЕДИСЛОВИЕ

Миграция играла огромную роль в истории человечества. И, конечно же, остается актуальной в современном мире. По данным Организации Объединенных Наций, в 2020 году число международных мигрантов — людей, живущих за пределами страны своего рождения или гражданства, — достигло 281 миллиона: это 3,6% населения Земли. Миграция — мощный двигатель и важное следствие экономических, политических и социальных изменений.

Вы держите в руках не совсем обычный сборник рассказов: эта

книга объединила одиннадцать путешествий во времени. Каждое из них переносит нас в свою эпоху, и мы можем представить себе, что могло происходить тогда, много лет назад, в жизни простых людей, что они чувствовали и чем жили. Эти истории рассказывают нам о людях, чьи судьбы так или иначе были связаны с миграцией.

Вы сможете встретиться с нашими предками-кроманьонцами: около 40 тысяч лет назад они пришли на территорию современной Европы из Африки. Вместе с Таликом перенесетесь в IV век до нашей эры,

чтобы побывать в Сихеме — древнем городе, который находится на территории современной Палестины. Станете свидетелями удивительного разговора молодого императора Ромула и гунна Табулду (гунны — кочевой народ, вторгшийся в Европу из Азии в IV веке нашей эры; именно их вторжение положило начало Великому переселению народов). Проведете один день в Древнем Шумере, где узнаете о самом старом кулинарном рецепте на планете и о кочевых племенах, живших неподалеку от шумерских городов-государств. Шумеры оказали колоссальное влияние на все последующие цивилизации Древнего мира!

Книга перенесет вас в начало далекого XIV века, в тот день, когда саксонская девочка Анели встретила прусского мальчика-колдуна Самайта, — действие происходит на месте, где сейчас находится город Знаменск (это Калининградская область). И в империю инков, где на берегу озера Титикака

появилось алья Розовой Пумы. Сегодня озеро Титикака — это территория стран Перу и Боливии.

А отправной точкой этих долгих путешествий станет Москва 1923 года. Наш город вы увидите глазами китайского мальчика Юнгсу, который работает в прачечной артели «Свободный Шанхай», родился в России и никогда не видел Китая.

Обо всем этом вам расскажут «Понаехали тут», а мы в свою очередь, как сотрудники Международной организации по миграции (МОМ) в Москве, хотим пожелать вам увлекательного и полезного чтения. Мы очень хорошо знаем, что миграция — это наш мир в движении. А движение — это жизнь!

МОМ благодарит редакцию издательства «Самокат» за предложение стать информационным партнером нового проекта. Теперь мы с нетерпением ждем публикации этого сборника.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

ОДИН ДЕНЬ В СОВЕТСКОЙ МОСКВЕ. ЮНГСУ

– Ходя-ходя, соли надо?

Не обращать внимания, улыбаться.

Сюэцинь поставил свой столик на углу Таганской площади и Народной улицы. Это правильно. Там много народу: и к церкви идут (русского бога большевики вроде как запретили, но все равно люди ходят), и к рынку и лавкам на площади (как объявили **НЭП**, так сразу они выросли как грибы после дождя). Я помог Сюэциню донести инвентарь. Холодно. С неба не то дождь, не то уже снег. Как бы мыши не простудились. Или заболеют туберкулезом, как сам Сюэцинь. Может человек мышей заразить?

– Ходя-ходя...

Улыбаться. Можно слегка кивнуть. Запомнить приметы: у старшего армяк подпоясан солдатским ремнем. У младшего толстые губы в болячках. Сказать Валёнке – может быть, он их знает?

УЛИЦА ВОЛОДАРСКОГО, поворот на Космодемьянскую. Ближе к Котельнической набережной, в конце видно реку. Река серо-зеленая, бугрится и тускло переливается, как мышинные спинки.

Отстали, спасибо всем богам.

Вот уже белый пар из дверей и разноцветная вывеска, которую дядя Вэйшэн повесил: «Прачечная артель "Свободный Шанхай"».

Внутри тепло и влажно. Сафуян вращает рычаг, крутится деревянный валик, и подвешенное на зажимах белье крутится и стирается в длинной деревянной лохани. В отдельных тазах замачивают и стирают рубашки и тонкие блузы. Мне сразу суют (из-за пара я даже не разглядел кто) две круглых корзины на прямом коромысле – в них уже выполосканное и отжатое белье, – и я иду по скрипучей лестнице наверх, там, на чердаке, сушилка с открытой решеткой и балконом.

Там же в мезонине – комната бабушки Сюин. Развесив белье, я захожу и почтительно кланяюсь (если не зайти, бабушка будет сердиться, а кому надо ее сердить). Бабушка, выпрямившись, сидит на стуле с высокой спинкой, в причёске крестом две большие деревянные шпильки, крошечные ножки аккуратно стоят на круглом вязаном половике. Спрашиваю о здоровье. Все в семье знают, что бабушка в последнее время почти не спит и с трудом ходит в туалет по-большому.

– Все благополучно, – отвечает Сюин. – А как ты, Юнгсу?

– Благодарю тебя, хорошо, – говорю я («ходя-ходя, соли надо?»). Решаюсь спросить: – Бабушка, а мы уедем в Китай или тут, в России, будем жить?

Все снаружи и даже нанятые рабочие думают, что у нас все решает дядя Вэйшенг. Как бы не так.

– Я умру тут, на чужбине, – спокойно отвечает Сюин. – А ты, я очень надеюсь, еще увидишь нашу прекрасную родину во дни ее величия и процветания.

У бабушки красивый язык. Я умею говорить по-китайски и даже немного читать и писать. Но так, как она...

Я кланяюсь и ухожу, почему-то пяясь.

Внизу для меня уже приготовили большую корзину с крышкой и ляжками и листочек с адресами. В корзине мы разносим по домам чистое и выглаженное белье. Самым важным клиентам – большевикам, начальникам и богачам-нэпманам – носит белье сам дядя Вэйшэн. Я ношу тем, кто попроще. Остальные у нас по домам не ходят – не умеют прочесть вывески и адреса.

Корзина тяжелая, но от нее вкусно пахнет – чистым бельем. На углу Гончарной набережной и улицы Народной – двор. У развалившегося сарая деревянный полусгнивший ящик – раньше в нем уголь хранили, сейчас люди живут. Люди поздно встают. Проходя мимо, сгоняю тощую кошку, стучу кулаком по мокрой осклизлой крышке:

– Валёка, это я, Юнгсу. Просыпайся, я сейчас белье на Каменщики отнесу и опять зайду.

В ящике – копошение, перханье, кашель. Хриплый голос:

– Валька, я твою китаёзу когда-нибудь убью! Ваше насмерть!

«Догони сперва, доходяга», – думаю я и иду себе дальше.

Надежда Аполлинарьевна Опалинская (а русские еще говорят, что у китайцев имена сложные) – это русская бабушка Сюин. Только ноги у нее уж очень большие и уродливые, распухшие, обутые в шерстяные ботинки, которые называют «чувяки». На плечах – телогрейка и цветастый платок. В квартире холодно. Когда-то Опалинским принадлежал весь этот дом, все четыре этажа, и еще два

флигеля во дворе. После революции в дом вселились рабочие, а Надежда Аполлинарьевна, ее дочь Мария Александровна и внук Сережа вместе с прислугой Лушей занимают теперь три небольших комнатки. Муж Марии Александровны воевал в Добровольческой армии на стороне белых и погиб. Я принес им письмо из надежного места в корзине с бельем (кто заподозрит китайчонка?), а потом стоял и смотрел, как Мария Александровна выла по мужу-белогвардейцу. Об этом нельзя говорить, как и о том, что у нас в подвале прачечной. У всех есть такое.

– А, Юрик пришел! – ласково улыбается мне Надежда Аполлинарьевна. – Белье принес? Отдай Луше. Как твои дела? Вазу сегодня будешь смотреть?

– Буду. Мои дела хорошо. А как ваши дела? – говорю я.

– У нас радость, – говорит Надежда Аполлинарьевна. – Сережу приняли на работу в типографию и уже назначили паек. Но от печения наших пирожков мы пока, конечно, не отказываемся...

Сережа – худой, высокий, смешливый – выглянул из двери.

– А, мамин ходя! Приветствую повелителя тазов и корыта! Поздравить меня с началом трудовой деятельности?

– Поздравляю вас, – говорю я. – Паек – это хорошо.

– Я бы, конечно, предпочел учиться в университете на философском факультете, – пожимает плечами Сережа. – Но туда не берут классово чуждых. Так что мы пойдем другим путем, как сказал вождь мирового пролетариата. А вот, кстати, ты, Юрик, самый что ни на есть китайский пролетарий и вполне мог бы нынче в университете учиться...

Я? Учиться в университете? Думать об этом почему-то щекотно...

– В некотором смысле этот социальный перевертыш вполне закономерен, – замечает Надежда Аполлинарьевна. – Высшие классы слишком долго закрывали глаза на вопиющее...

Тут от наружной двери доносится гневный вопль, а потом в комнату врывается Мария Александровна с пустым деревянным ящиком в руках.

– Машенька, что случилось? – Надежда Аполлинарьевна приподнимается в кресле.

– Беспризорники украли у меня пирожки! – кричит Мария Александровна. – Один толкнул, а остальные налетели как саранча и всё расхватали!

– Ну это же совершенно всего лишённые дети, – подумав, говорит Надежда Аполлинарьевна. – Крова, любви, нравственного попечения...

– Мама! – у Марии Александровны из глаз брызнули злые слезы. – Мы с Лушей жарили эти пирожки из последних запасов! Ну это же совершенно невозможно, в конце концов! Ах, почему мы не уехали!

– Уехали... Да кому мы там нужны, – вздыхает Надежда Аполлинарьевна. – Скинулись бы сейчас где-нибудь, без родины, без языка, вечно второй сорт, как вот этот бедный китайский Юрик, которого мальчишки дразнят на улицах...

– Мама, ты всегда была готова жалеть любого чужака или побродяжку и всегда оставалась равнодушна к родным людям! И посмотри, где мы все оказались!

– Мама... – укоризненно бормочет Сережа и указывает в мою сторону острым подбородком. Вроде как: неудобно при нем-то... Сережа думает, я человек. Это приятно.

– Ну разумеется, наш Юрик тут совершенно ни при чем, – как ни в чем не бывало говорит Надежда Аполлинарьевна (как и нашу бабушку Сюин, ничто не может сбить ее с собственной мысли). – Это все базовый человеческий страх чужого и глупые предрассудки. Еще в мое время говорили о «желтой угрозе». Помню, в начале века в Петербурге появились дворники-китайцы. Они не понимали арабских цифр и помечали свои участки иероглифами. Обыватели тут же пустили слух, что это знаки апокалипсиса.

Сережа взял с комода одну из принесенных мною рубашек, нашел красный иероглиф – нашитую метку прачечной, показал Надежде Аполлинарьевне и сказал задумчиво:

– Бабушка, но ведь это значит, что наши прачки и те петербургские дворники – грамотные люди...

– Да, да, вот именно! – подхватывает Надежда Аполлинарьевна. – И по сути, вот этот Юрик – наследник огромной древнейшей культуры. А опасность для нас оказалась не желтого, а красного цвета и намного ближе Китая... Говорят, лидер большевиков Ленин тяжело болен. Может быть, он умрет и все как-нибудь понемногу вернется к здравому смыслу?

– Не надейся, мама!

Я рассматриваю вазу. Она почти с меня ростом. Стройная и загадочная. На черном фоне тонким золотом прописаны травы и птицы. Это китайская ваза. Память от деда Надежды Аполлинарьевны, который был очень-очень богатым и выписал вазу из самого Пекина. Ее не продали во время войны, потому что она слишком большая. Никто не знает, как я рад этому. Ваза говорит со мной о родине.

– Вот наш китайчонок расстроится, если на вазу найдется-таки покупатель или ее красноармейцы во время очередного обыска кокнут, – усмехается Сережа. – Юрик, а ты хотел бы уехать в Китай? Тебя здесь дразнят?

– Я не знаю.

Я родился в России. Я никогда не видел Китая. Я хотел бы его увидеть. Но кто хотел бы увидеть там меня? Дядя Вэйшэн говорит: «Сейчас в Китае все перемешалось еще хуже, чем в Советской России». «Но зато там все китайцы», – думаю я, но не смею возразить дяде. Ведь он дает мне кров, еду, работу и все необходимое.

– Да, меня дразнят: «Ходя-ходя, соли надо?» Я не знаю, почему соль.

– Кажется, я знаю, – говорит Надежда Аполлинарьевна. – Где-то году в одиннадцатом или двенадцатом умер китайский посол в России. По вашим обычаям его надо было захоронить на родине. А дорога до Китая из столицы очень далека – как довезешь? И вот ваши дипломаты решили его тело как бы законсервировать, засолить. Сам понимаешь, сколько надо соли, чтобы насыпать целый гроб. И вот они ходили по лавкам с траурными повязками и скупали соль...

– То есть нынешняя дразнилка как бы обозначает: «Чтоб тебе мертвым в Китай убраться»? – с ученым интересом уточнил Сережа.

– Ну да. Некультурные, озлобленные люди всегда были склонны срывать свои обиды и неудачи на чужаках! А вы говорите – уехать...

– Не журишь, Юрик! – улыбнулся мне Сережа. – «Если тебе плюют в спину, значит, ты идешь впереди» – знаешь, кто сказал?

Я покачал головой.

– Ваш китайский мудрец Конфуций!

– Блажные вы оба, и вот именно такая безумная жизнь вам к лицу! – прошептала Мария Александровна. – А вот мне-то все это за что?!

Я закрыл глаза. Золотые птицы в темноте у меня под веками взмахивали острыми крыльями, а золотая трава клонилась под ветром.

Потом я отнес белье в **ГЛОТОВ** и в Товарищеский переулки. На обратном пути проведаль Сюэцинь. Он улыбнулся мне и дал леденец на палочке. Несмотря на промозглую погоду, торговля вроде шла, угощение для мышек покупали бойко, только кашлял Сюэцинь ох как нехорошо. У его стола толпились маленькие ребятишки с няньками и зеваки-прохожие. Разноцветные мышки сновали в деревянном домике, выглядывали из окошечек, аккуратно брали в лапки семечки и сухарики, которыми их угощали. Тут же продавались **РАСКИДАИ НА РЕЗИНКЕ**, веера из папиросной бумаги, пищалки из конского волоса и громко гудящие **«ТЕЩИНЫ ЯЗЫКИ»**.

Все это хозяйство раньше принадлежало бабушке Сюин. Но теперь она уже не выходит на улицу. А Сюэцинь вместе с другими китайцами в конце войны привезли из Маньчжурии, чтобы они строили чугунок в Мурманск. Он раньше строил **КВЖД** и командовал десятком рабочих. В России к концу войны все уже развалилось, и на Мурманке они жили под навесами из торфа и питались ягодами и какой-то гнилой бурдой. Русские крестьяне от такой жизни просто бросали все и уходили по домам, а куда китайцам уйти? Вот там-то Сюэцинь и заболел.

Как я и думал, Валёка уже на площади. Здесь его зазноба Зинка папиросами торгует. Зинка веселая. Увидела меня, сразу запела:

Нынче ходи стали в моде,
Можно ходю полюбить,
А у ходи денег много,
Можно лавочку открыть...

Валёка пытается перед Зинкой форсить, но он ей совсем не нужен, она себе нэпмановского сына присматривает. Что ей бродяга? У него сапоги из разных пар каши просят и в рваном кармане вошь на аркане.

– Ходя! Китай!

– Беспризорник! Свобода!

Это мы так друг друга приветствуем. Я отдаю ему леденец, а он передает его своему маленькому денщику Обмылку. Обмылок одет в длинную женскую кофту с рюшами и подпоясан розовым шарфом.

– Ходя-ходя, соли надо? – кривляется он за спиной Валёки и привычно уворачивается от затрещины командира.

– Валёка, это твоя команда у Опалинской пирожки скоммуниздила?

– Может, и мои. А она тебе что?

– Да ничего. Ее сыну паек дали.

– Вот видишь, а моим тоже есть надо.

– Голодные, так пусть в **ДЕТПРИЕМНИК** идут.

– Щазз! Там свободы нет!

Валёка любит свободу. Его отца убили белые, а мать от тифа умерла, когда ему десять лет было. Если не врет, он три раза всю Россию проехал, даже в Ташкенте был. Весной Валёка зовет: «Поехали, Ходя, глядишь, и до Китая твоего доберемся». Я бы хотел, но страшно.

Беспризорники играют в карты у стены под козырьком, там почти сухо, но ветер все равно дует. Руки и лица черные, потому как живут в ящике из-под угля. Ежатся в лохмотьях и с завистью смотрят на мой теплый синий халат.

Увидели меня, карты побоку. Никто не дразнится, я с командиром. Кто пришел, с того байка.

Беспризорники всегда рассказывают истории и почти всегда врут. Сегодня он сын героически погибшего красного командира, а завтра – князя-богатея, который за границу сбежал. Мне нравится слушать. Сам я придумывать не умею.

Рассказываю про гроб с солью, всем нравится.

Валёка ковыряет пальцем в черной ноздре:

– Так вот оно, оказывается, что!

Приходит Фирмач, он почти взрослый, у него галифе и нож. Зинка издалека строит ему глазки. Он на нее ноль внимания.

– Ходя, хорошо, что ты здесь. Передай своим, сегодня-завтра рейд будет. Пусть уберут всё.

Благодарю, кланяюсь, ухожу.

Дома передаю дяде Вэйшэну.

– С чего ты взял? Откуда тому русскому вору знать? – дядя мне не верит.

А мне почему-то все равно. Беру новую корзину, быстро разношу белье и иду на кладбище. Когда такое настроение, это самое лучшее.

Кладбище – страшная сказка. Деревья стучат замерзающими черными ветвями, на мокрых могилах – полусгнившая листва. Вот то, что я ищу: «Здесь погребена голова инженера путей сообщения **БОРИСА АЛЕКСЕЕВИЧА ВЕРХОВСКОГО**, убитого китайцами-боксерами в Маньчжурии в городе Ляоян в июле 1900 года».

Как все переплетается. Я вижу это как туго заплетенную косу, вроде той, что болтается у меня за спиной. Серьезные раскосые люди насыпают целый гроб соли и везут его вместе с покойником в Китай. Навстречу им кто-то везет голову инженера Верховского. Интересно, в чем они ее везли? Почему-то мне представляется, что в бауле. А насыпали ли соль?

– Хи-хи-хи! – слышится за спиной. Меленько, как будто бусы по деревянному столу рассыпали.

Оборачиваюсь. Пожилая женщина под зонтиком с обтрепанной каймой. Глаза круглые, без ресниц, как голубая водица.

– Хи-хикс! Надо же – китайчонок! Но ведь не может же быть, что это ты ему голову – чик, и готово! Тебя ведь тогда еще и на свете не было!

– Нет, я не отрезал ему головы, – кланяюсь и улыбаюсь.

– А что ж тебя тогда сюда занесло? Да еще в такую погоду? – женщина улыбается мне в ответ. – Я-то своих проведать пришла. Муж у меня тут, синодский регистратор, лежит, и дочка Ангелина, девица, тож. В девятнадцатом году оба преставились, от голодного поноса. И осталась я одна, с мужниными канарейками – любитель он был и разводил их. Представь, китайчонок, божий юмор: все канарейки тогда выжили, и одна пара даже птенцов той же весной принесла. Теперь-то, как НЭП объявили и лавки с трактирами снова пооткрывались, канарейки мои нарасхват... А ты-то тут что ж?

– Здесь – моя история, – неожиданно даже для самого себя говорю я. – Вот эти «боксеры», – указываю пальцем на памятник, – это ихэтуани. Бабушка Сюин говорит, что они были за сохранение традиций и восстали против всех западных людей в Китае, убивали и их, и китайцев-христиан. А однажды они обстреляли через реку Амур русский город Благовещенск и даже убили троих. В Благовещенске было много китайцев, мирных, с женщинами, детьми, но русские испугались, что они соединятся с теми и всех убьют. Тогда они всех китайцев собрали, пригнали к Амуру и велели плыть. Китайцы не умели плавать и почти все утонули. Муж бабушки Сюин тоже утонул, а бабушку с моей матерью и дядей Вэйшэном спрятал у себя в подвале русский купец, у которого дедушка работал. Дедушка сразу сам с казаками пошел, чтоб внимание отвлечь, а за бабушкой обещал потом вернуться. Да не вернулся уже...

– Да, да, я тогда в газетах читала! – вспомнила женщина. – Это еще до Русско-японской войны было. Героическая **ОБОРОНА БЛАГОВЕЩЕНСКА**. А оно вон, вишь как, если с другой-то стороны посмотреть... Да... Дед, значит, утонул, бабка с детками жива осталась. Но как же ты сюда-то попал? По виду совсем китаец, а по-русски не намного хуже меня говоришь...

Я рассказываю, что знаю.

– Потом тот купец бабушке сказал: «Здесь тебе нельзя оставаться. Куда ты пойдешь: в Маньчжурию или в Россию?» И бабушка выбрала Россию, потому что в Китае была война, а у нее дети. И они жили в Иркутске, там бабушка сначала в людях служила, а после лавочка у нее была.

– Так ты с родителями здесь?

– Нет, с дядей. Моя мать умерла, когда рожала мою сестру. Сестра тоже потом умерла. А отец уехал в Китай, делать там революцию. Он и меня хотел увезти, но бабушка Сюин не дала.

– Хи-хи-хи! А потом и здесь сделалась революция, и попали вы, бедные китайцы, из огня да в полымя... Ну что ж, счастья тебе, китайчонок, и здоровья. Здоровье – это на самом деле главное, только ты сейчас того еще не понимаешь...